

3. Slama-Cazacu, T., Psiholingvistica – o știință a comunicării, ALL EDUCATIONAL, București, 1999.

4. Stoica, M., Psihopedagogia personalității, Editura Didactică și Pedagogică, București, 1996.

ИСПАНСКИЙ ИСТОЧНИК СКАЗКИ А. С. ПУШКИНА «О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ»

ДАМЬЯН Надежда, старший преподаватель

Summary

The author refers to the last tale of A.S. Pushkin. "Tale of the Golden Cockerel". It reveals that the basis of the tale is the Spanish legend about an Arab astrologer. Legend was heard by the American writer Washington Irving, when he was in the city of Granada at the Alhambra Palace. This legend served as a source of Pushkin's fairy tale. The article presents a comparative analysis of legend and fairy tale, to identify common and distinctive features.

В сентябре 2015 г. в испанском городе Гранада, в рамках XIII Конгресса МАПРЯЛ, состоялось открытие памятника великому русскому поэту А. С. Пушкину, к которому с глубоким уважением относятся в этой стране. Поэт в своем творчестве не обошел испанскую тематику. Так, в 1830 г. появилось стихотворение «Перед испанкой благородной», а в 1834 г. Пушкин пишет «Сказку о золотом петушке», одним из источников которой стала легенда американского писателя Вашингтона Ирвинга, помещенная в его книге «Альгамбра», созданная во время его пребывания в Гранаде [1, с. 8].

В легенде В. Ирвинг использовал материал своих исторических сочинений, над которыми он работал во время пребывания в Альгамбре: «История покорения Гранады» (1829 г.), «Легенды о завоевании Испании» (1835).

Необходимо подчеркнуть, что «Сказка о золотом петушке» А. С. Пушкина сравнительно мало привлекала внимание исследователей. В историко-литературных статьях и

комментариях можно найти очень скупые и неточные сведения о последней сказке А. С. Пушкина.

Отсутствие фабулы в «Сказке о золотом петушке» привело к мысли, что эта сказка имеет литературный источник [1, с. 8].

Впервые на этот источник указала А. А. Ахматова в статье «Последняя сказка Пушкина»: «Мне удалось найти источник «Сказки о золотом петушке». Это - «Легенда об арабском звездочете» Вашингтона Ирвинга» [1, с. 9 – 33].

В 20-30-е гг. XIX в. В. Ирвинг был очень популярен в России. Переводы его произведений печатались во всех известных российских журналах того времени: «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Телескоп» и др. Что касается Пушкина, то в его библиотеке находились произведения Ирвинга на французском языке.

Легенды и предания, напечатанные в сборнике «Альгамбра», сделали предметом обсуждения русских критиков, которые отмечали воздействие В. Ирвинга на творчество А. С. Пушкина, об этом, прежде всего, писали Н. Полевой и М. Алексеев.

Знакомство А. С. Пушкина с «Альгамбрскими легендами» В. Ирвинга можно датировать 1833 г., когда появились первые строки: «... год, другой проходит мирно...».

Сюжет «Легенды об арабском звездочете» чрезвычайно сложен, с чудесными происшествиями и со всеми аксессуарами псевдоарабской фантастики, которую сам В. Ирвинг характеризовал как «горун-аль-рашидовский стиль» [5, с. 20 – 22].

Насколько близка фабула «простонародной» сказки Пушкина к легенде В. Ирвинга становится ясным при параллельном сличении текстов:

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве

Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
И под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить [3, с. 442].

«В давние времена, много сотен лет назад, в Гранаде, правил мавританский царь по имени Абен Габуз. Он был, так сказать, воитель на покое: смолоду он только и делал, что разорял и грабил соседей, а, состарившись, решил зажить со всеми в мире» [2, с. 146].

Сходство ситуаций полное. Биографии царя Дадона и царя Абен Габуза совпадают. Если сравнивать талисманы, используемые в сказках, то можно заметить: у Ирвинга звездочет, дабы удовлетворить государя, повелел воздвигнуть башню, которую венчал шпиль, а на нем бронзовые изваяния: всадник-мавр со щитом на одной руке и копьем в другой, острием кверху. У Пушкина – мудрец преподнёс царю живого золотого петушка, которого водрузили на спицу крыши дворца. За петушком царь мог наблюдать каждый день из своего окна.

У обоих писателей в произведениях наблюдается торг, в ходе которого раскрывается характер каждого персонажа: ... *ты мне талисман, а я тебе – любую просьбу выполняю...*

Талисманы в обоих произведениях ведут верную службу, чтобы спасти царей от беды, однако, тревогу бьют по –разному. Ирвингский талисман, по словам Звездочёта, во время опасности должен встрепенуться, закричать и повернуться в нужную сторону. Пушкинский талисман это и делает, однако, добавляет: «Царствуй, лёжа на боку!» Когда беда приходит с востока, петушок не просто встрепенулся – забился.

У В. Ирвинга войны царя отправляются в горы, куда указал талисман, находят готскую принцессу, не встречают неприятеля и приводят принцессу к Абен Габузу.

У А. С. Пушкина ситуация сложнее: в поход на восток отправляются царские сыновья, когда кричит петушок, но не возвращаются, тогда сам Дадон отправляется на войну, встречает шамаханскую царицу, влюбляется в неё, забывая о смерти сыновей.

Совпадения наблюдаются и в сцене расправы. У Пушкина талисман «золотой петушок» становится орудием казни царя-клятвопреступника:

Петушок спорхнул со спицы
И царю на темя сел.
Встрепенулся, клюнул в темя.
С колесницы пал Дадон!
Охнул раз, - и умер он...

У Ирвинга – «...царский гнев обрушился на звездочета. Однако он вместе с царевной проваливается сквозь землю. Соседи, которых царь со своим волшебным всадником задирали, изводил и громил, кинулись на него со всех сторон... Наконец Абен Габуз умер и был предан земле [2, с. 160].

Можно предположить, что характеристика царя в «Легенде об арабском звездочете» могла поразить Пушкина как полное совпадение с его представлениями о российском императоре Александре I.

Из истории известно, что Шемаха (ныне город в Азербайджане) в 1820 г. была присоединена к России. Поэтому месть царю-завоевателю ассоциативными нитями могла быть связана с этим событием. В образе Дадона могли отразиться два царя, из которых один Пушкина «не жаловал», а другой – «под старость лет упек в камер-пажи».

Таким образом, восточная легенда о талисмане, охранявшем город, превратилась в русскую сказку, в языке

которой много фольклорных элементов – это и зачин «негде в тридевяти царстве» и характерные для русской сказки выражения - «побитая рать», «побоище»; просторечные выражения: «глядь – ан с востока лезет рать», «люди, на конь», «петушок угомонился», «сына меньшего шлёт на выручку большого» и т.д. Из русских сказок заимствовано слово «шамаханская» («шамаханский шелк»), да и имя Дадон – имя злого царя – взято из русской народной сказки о Бове Королевиче.

Слово Дадон (очень хочется сравнить с долдоном!). И имя – то неприятное, так и режет слух, как будто по пустой бочке бьёт: да – дон – н, да – дон – н. [4, с. 58]

По своему тону и содержанию «Легенда об арабском Звёздочёте» напоминает те восточные сказки, которые в XVIII в. были обычным шифром политической сатиры. Отсюда становится понятным обращение А. С. Пушкина именно к этому источнику для создания политического памфлета – «Сказку о золотом петушке».

Литература

1. Ахматова, А. А., Сочинение в двух томах, Т. 2, Проза, Переводы, Москва, 1986.
2. Ирвинг, В., Альгамбра, Москва, 1979.
3. Пушкин, А. С., Сказка о золотом петушке, Т. 3, Москва, 1955.
4. Танкова, Н. С., Добрым молодцам урок. //ж. Литература в школе №2, 1999.
5. Фильштинский, И. М., Андалусия в изображении В. Ирвинга // сб. Альгамбра, Москва, 1979.